
Леонов И.В., Прокуденкова О.В.

**НОВОДЕЛ КАК ФОРМА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ
СТАРИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ***

Leonov I.V., Prokudenkova O.V.

**Modern replica as form of reproduction of antiquity
in modern culture**

В настоящее время в сфере сохранения культурного наследия широко распространилась практика создания новодела, который у людей, отдающих предпочтение не «подлинной ветхости», а некоему подобию аутентичной формы, создает иллюзию восприятия артефакта в его первичном, не тронутом временем виде.

Рассматриваемая тенденция касается некоторых видов реставрационных практик, и прежде всего практики «реконструкции» или «воссоздания», применяемой в том случае, когда степень подлинного материала, составляющего содержание того или иного артефакта, крайне мала либо вовсе отсутствует. При воссоздании некий феномен прошлой культуры может быть создан практически заново, но только при соблюдении критериев научности, подробном изучении его истории, соблюдении технологий создания, аутентичности используемых материалов и следовании стилевому единству. Однако чем меньше степень аутентичности историко-культурного артефакта, который

**Леонов И.В., Прокуденкова О.В.* Новодел как форма воспроизведения старины в современной культуре // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novodel-kak-forma-vosproizvedeniya-stariny-v-sovremennoy-kulture>

подвергается воздействию с целью его возрождения, тем более явно наличие новодела.

При этом надо отметить, что у наших современников, в том числе и у представителей культуры, способность воспринимать отреставрированный, но все же с элементами руинированности, патины, со сколами, загрязнениями, утратами и другими следами времени, памятник развита достаточно слабо. От реставраторов все чаще ждут первозданных состояний объектов наследия, а потому внешне новых, хотя результатом такого рода очищений становится не только излишнее обновление памятника, но и множество грубейших ошибок, приводящих к утрате и искажению исторических и художественных ценностей.

Созданию новодела часто способствует фактор симуляции. В некоторых случаях даже незначительные артефакты, имеющие подобие старины, могут стать катализатором для воссоздания и моделирования этой старины в воображении. В результате подобие реальное порождает и усиливает подобие воображаемое, предлагая играть в старину, романтизируя ее с позиций современности. Аутентичное оказывается в одном ряду с бутафорским, которое обеспечивается надлежащими историческими атрибутами благодаря новоделам, имитирующим настоящие артефакты.

Распространение новодела в XX – начале XXI в. было вызвано также заметным ростом числа любителей старины при ограниченном количестве аутентичных артефактов. Показательным фактором признания подобия и новодела как особой формы сохранения старины является его проникновение в сферу антиквариата. Торговля сомнительным товаром в салонах и магазинах, лишь претендующих на статус антикварных, стала внедряться и в сферу антиквариата как такового. Как следствие, в одном салоне могут соседствовать аутентичные артефакты с их современными версиями, которые, будучи качественно воспроизведенными, соперничают с ними даже по цене, что противоречит самой сути антикварного дела.

Новоделом в современной культуре может также считаться массовое производство товаров, копирующих формы прошлого. Обращение к прошлому является одним из важнейших источников «вдохновения» для создателей феноменов масскульта, поскольку сфера тиражируемого масскульта достаточно скудна на новые образы, сюжеты и формы.

При этом уровень историко-культурной грамотности у типичного потребителя массовой культуры, пожелавшего стать ценителем и собирателем подобного рода антиквариата, недостаточно высок, чтобы отличить реплику от оригинала. К тому же во многих современных культурах существуют целые индустрии по созданию искусственно состаренного новодела. Имитация старины, будучи сложным явлением культуры, может иметь открытый характер и быть связанной, например, с вкусовыми предпочтениями владельца, который не скрывает ее.

Граница между новоделом и подделкой весьма условна и зависит от множества контекстных обстоятельств. Случается, что музеи без особой охоты озвучивают информацию о процентном соотношении «меморий» и «имитаций» в своих экспозициях, не обозначая явно, что подлинное, а что нет, тем самым противореча Венецианской хартии 1964 г. по вопросам сохранения и реставрации памятников. В итоге посетители, не получив необходимую информацию, вводятся в заблуждение. Примером таких случаев является игнорирование со стороны экскурсоводов информации о том, что Воскресенские (Иверские) ворота Китай-города, храм Христа Спасителя в Москве, деревянные фермы Бетанкура в московском Манеже, Самсон и некоторые другие статуи Большого каскада в Петергофе, Розовый павильон в Павловском парке, Янтарная комната, по сути, – воссоздание, а не подлинники. Особенно остро стоит эта проблема при обучении и просвещении молодого поколения, которое явно не знает (не имеет возможности помнить), как выглядела Москва до восстановления храма Христа Спасителя.

Однако в некоторых ситуациях музеи вынуждены экспонировать имитации оригиналов, особенно это типично для многих историко-литературных музеев, в экспозиции которых доминируют бумажные экспонаты, в силу весомых причин сохраняемых в специальных условиях, а также требующих защиты от недобросовестных посетителей. И если посетители будут знать о явной природе артефактов некоторых экспозиций, то предпочтут их проигнорировать. Драматичными для музеев и коллекционеров можно назвать ситуации, когда аутентичность приобретенных ими неких «подлинных» артефактов бывает опровергнута либо ставится под сомнение.

Обстоятельством, лежащим в основе популярности новодела, является в том числе то, что устаревает и он. Со временем новодел ста-

новится «старым» новоделом, а потом и вовсе превращается в артефакт, имеющий свою собственную идентичность и подлинность. В первую очередь, это касается новодела «с нуля», а также воссоздания утраченных артефактов. Примером тут служат руинированные сооружения Александровского парка Царского Села, такие как Шпатель, Белая башня и Арсенал и др. В итоге сегодня эти памятники воспринимаются не только как стилизация Средних веков, но и как самостоятельные объекты, рожденные эпохой романтизма XIX в.

Новодел, затронувший уже существующий, но сильно разрушенный или неоднократно преобразованный артефакт, с течением времени сливается с его аутентичностью. Причем дистанция, отделяющая новодел от его «приращения» к оригиналу, может равняться 100–150 годам. Например, интерьер многих залов Зимнего дворца, созданных в XVIII в., в силу разных причин неоднократно изменялся в XIX в., и, как следствие, в XXI в. воспринимается как оригинал.

Можно сказать, что новодел представляет собой сложное, противоречивое, культурообусловленное явление, и связанная с ним тема, при всей ее изначальной простоте, предстает многоаспектной и глубокой.

Фетисова Т.А.